

Посвящается Урсуле и Кэри

Густо-
туманное
утро.
Смутно вижу
тропу под ногами.
Отчетливо —
только себя.

Лорин Нидекер.
«Линней в Лапландии»¹

---

¹ Лорин Нидекер (1903—1970) — американская поэтесса, мастер пейзажной лирики.

Лотерея

1

Все началось с распределения наших судеб — словно мы были шариками в детском бильярде. Это был год полового созревания, когда девчонки начали падать в обморок и бурно расти.

Зайдя в кабинет врача в моей поликлинике, я заметила, что вся стена испещрена метками роста, похожими на следы от мух. Моя затерялась среди массы чужих.

— Выпрямись, выпрямись, — приказала врачиха. И стукнула меня по руке линейкой. — Смотри вверх! Что ты видишь?

«Пыль на обоях, доктор». Но этого я не сказала. Она делала пометки на моем теле. Мне было щекотно, и я ежилась. Она обернула тонкой тканью кончики моих больших пальцев.

— Перестань грызть ногти, — сказала она. И что-то написала у себя в журнале — может быть, «Неспособность к заботе о потомстве».

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, отец купил мне серого мохнатого песика, чтобы я тренировала сердце. «Беги быстрее!» — кричала я ему, когда он от меня отставал. Это была любовь.

Холодный свет. Пауки выползают из серебряных паутинок в оконных рамах. Там, за пределами

дома, таится моя судьба. Мы с псом бежали к ней вместе. Мне нравилось зарываться лицом в его ключий мех, хотя, наверное, у меня была аллергия на собачью шерсть. Вполне возможно, что и болела я из-за любви.

2

Надо пить побольше молока, если хочешь ускорить процесс, советовали мне опытные девчонки в туалете на переменках, пока мы втирали бальзам в обветренные губы. С ними этого еще не произошло, но они откуда-то все знали. Ешь животный и растительный жир, уверяли они. Мы открывали все краны и разбегались на уроки.

За ужином я набрала полную ложку сливочного масла и неторопливо его съела. Отец посмотрел на меня и ничего не сказал. Я зачерпнула еще ложку. Облизала ее.

«Опасайся своих желаний» — гласила надпись на стене в поликлинике. В тот год я прочитала ее раз пятьсот. Я сидела на оранжевом пластиковом стуле в коридоре и болтала ногами.

На протяжении учебного года девчонки уходили одна за другой. И никаких прощальных тортиков, никаких заявлений. Когда очередь дошла до меня, уже почти никого не осталось. В классе были только я да пара девчонок и несколько мальчишек моего возраста, мы целыми днями водили карандашами по страницам, умножая и вычитая, запоминая формулы.

Я никогда особо не верила в концепцию свободы воли. Когда мне было четырнадцать, я месяцами жи-

ла в терпеливом ожидании будущего. Я часами сидела на желтом кафельном полу в отцовской ванной, прижав колени к груди, словно надеялась одной лишь силой мысли заставить свое тело скорее повзрослеть. Мне ничего не доставляло радости, за исключением того, что каждое событие моей жизни приближало меня к взрослости, к этому ярко сияющему горизонту впереди. Казалось, чтобы его достичь, надо проплыть по реке грязи, впадающей в безбрежный океан. «Преодолей это», — написала я на обороте школьной тетрадки. Моя личная мантра. Я почувствовала себя продвинутой из-за того, что обрела мир с самой собой. Ясное дело, я ничего не знала.

Обо всем этом я поведала доктору Дж, изможденной бледной даме, в чьем кабинете была испещренная пометками стена. Содержимое наших взрослых мозгов было зафиксировано на пленках в ее архиве, где среди всего остального хранились истерики бесчисленного количества девочек-подростков, ожидавших своей участи.

«Чем в последнее время был занят твой ум?» — спрашивала она, и я всякий раз говорила одно и то же, а именно: «Он вообще ничем не занят», — что зачастую было чистой правдой. Я крепко спала, после школы гуляла по лесу с отцовским ружьем, ища взглядом шевелящихся в траве кроликов, правда, я никогда не стреляла, когда была одна. Меня умиляли сосновые шишки и стихи, я плавала, сколько положено, в спортивно-развлекательном центре с другими девчонками-сверстницами, а потом шла домой по унылой проселочной дороге, окаймленной зелеными кустами.

В тот год на моих бедрах появились длинные красные полосы — странно! Кожа растягивается, объяснила мне врач. Ты будешь высокая. В тот момент я ей не поверила. Когда мне выпадало свободное время, я молилась о том, чтобы поскорее пришли первые месячные. Я молилась природе, молилась мокрой траве и солнцу, чтобы это случилось. Мамин медальон ждал меня в ящике отцовского комода. Он был там не заперт, но пуст. Мама лежала в могиле на сером кладбище за городом. Ее билет, вероятно, лежал с ней в гробу. Я не спрашивала.

Отец повел меня в ресторан. Это была моя первая партия игры во взрослую жизнь, и сыграла я так себе. Черствые пустые рогалики. Три я слопала сразу. Потом приняла печальные грибочки в спагетти-карбонара за улиток и не смогла их взять в рот. «Неженка!» — обозвал меня тогда отец, немного разозлившись. Он заказал вина, и я глотнула капельку — но не более. От вина у меня зашипало язык. Отец научил меня раскручивать вино в бокале и разглядывать «ножки» на стенках. Это как гадание на чайных листочках, пояснил он. Я заглянула в бокал с вином и увидела свое будущее. Оно жило на дне бутылки.

Допив все вино, отец поднял пустую бутылку и заглянул в нее одним глазом, как в телескоп. Видишь? Он засмеялся, но я не спросила, что обещает будущее.

Ей бы хотелось, чтобы ты вынула синий билет, сказал мне отец, пока мы ждали счет, но не стал уточнять. Мне не хотелось выглядеть дурой и спрашивать его, о чем это он, поэтому я кивнула. И только потом, уже в кровати, перед сном, я поняла, что он говорил о маме.

Он был слишком молод, чтобы стать отцом. По выходным к нам в дом заваливались его друзья, пили пиво и разглядывали меня. Они играли в карты, но я не знала, во что. «Раз-два, раз-два! — кричали они нараспев, выбрасывая карты на стол. — Еще по пивку!» Я лежала в темном коридоре на животе, там, где они меня не видели. Мне хотелось смотреть, но самой оставаться невидимой. Для меня это было самое главное. Хотя в четырнадцать лет этого еще не понимаешь. Но теперь-то я понимаю.

Чуть позже, в кинотеатре, я водила кончиками пальцев по краю пакета с попкорном. Рядом со мной сидел мальчишка. Я почувствовала, как он протянул руку в мою сторону, как будто плыл. Его рука двигалась в воздухе вверх и вниз, пока не коснулась меня. Рука нащупала мое плечо, потом мою грудь. Я позволила руке лежать там без движения. Фильм кончился. Рука отдернулась. Мальчишка ушел прежде, чем я успела его разглядеть.

Тогда туалет для девочек в школе уже почти всегда пустовал. Никто не оставлял краны открытыми.

Однажды я заметила, что мой серый пес раздался и стал бегать совсем медленно. Выяснилось, что это девочка. А потом она легла, и из нее стали вываливаться маленькие слепые существа, попискивающие и розовые, похожие на сердечки. Отец куда-то их дел. То ли выпустил в лес, то ли раздал по знакомым. Я решила поверить в такой вариант.

Много лет спустя, глядя на свой живот, я думала о моей собаке. Да, внутри кто-то сидел. Сомнений никаких. Я тоже буду медленно ходить. Я тоже лягу на землю. На холодную землю. Однажды голубым утром.

— Тебе надо было взять их на руки, — сказала мне одноклассница. Кроме нас в классе больше девочек не осталось. — Ты была бы им матерью. Они бы чуяли тебя по запаху и признавали только тебя.

Грустная, тонкая, как тростиночка, девочка с тревожными светлыми глазами. Мне было неприятно думать, что я такая же, но именно такой я и была. Мы обе. Она аккуратно засунула в рот небольшой сэндвич. Вернувшись домой и войдя к себе в комнату, я понюхала подмышки, чтобы почуять свой запах. Запах казался неопределенным. Так воняют любые потные подмышки. Вряд ли кто-то мог называть этот запах домашним.

3

Настал день, когда наконец-то я обнаружила красную полоску на трусиках. В душе я тщательно помылась, наблюдая, как незнакомая мне струйка крови бежит по ногам. Из меня выпал темный желеобразный сгусток. И я бестрепетно подумала, что, наверное, сейчас умру. Но я не умерла, а надела провисевшее на двери моей спальни целый год платье из розового атласа, отороченное по нижней кромке и по вырезу белыми цветочками, с нижней юбкой, царапающей мне колени. Оно пахло влажной затхлостью и пропиталось дешевым приторным парфюмом, которым я прилежно опрыскивала свое тело каждое утро перед школой. Я вышла в платье к отцу и крутанулась перед ним, а он достал из ящика мамин медальон и отдал мне. Но предупредил: пока не надевай.

Мы взяли такси, потому что это был особый случай, хотя ехать предстояло далеко: по извилистым улочкам соседнего городка и снова по пригороду, мимо деревянных домишек вроде нашего. Таксист достал пластиковый ящик для мороженого, в котором лежали завернутые в фольгу шоколадные сердечки. «Возьми парочку!» — настоял он, после чего поставил ящик обратно под сиденье.

— Милая девочка! — сказал он отцу, который бросил в ответ:

— Смотри за дорогой! — и улыбнулся, но как-то невесело, и потом всю оставшуюся дорогу оба не проронили ни слова.

В шоколадках были черные вишенки. Я смяла оба кусочка фольги и незаметно сунула между моим сиденьем и дверцей.

Лотерея проходила в здании, похожем на поликлинику: двухэтажное, светлого кирпича, плоская крыша. Когда мы подъехали, я увидела эмиссара, который стоял у дверей и курил, но, заметив нас, бросил окурок на дорогу. «Поздравляю», — бросил он мне и провел нас внутрь, где уже собрался народ.

Пол в зале был дощатый, обильно политый лаком, весь в царапинах от бесчисленных ног. В лаковых половицах отражались многочисленные лампы — потолочные прожекторы, лампа на столе, за которым на оранжевом пластиковом стуле сидел, скрестив ноги, мужчина в темном костюме и глядел на нас. Он смахивал на врача, но на нем не было белого халата, а на руках — резиновых перчаток. В зале на деревянной скамье сидели в рядок четыре девчонки в обычных платьях, и на груди у них были

приколоты букетики цветов — у кого живых, у кого искусственных. Эти девчонки были не из моей школы. Одна была в бархатном платье, две другие в тюлевых, а четвертая, как и я, в атласном. Меня привлекла девочка в атласном. Родственная душа.

Мы выстроились друг за дружкой перед машиной, выдающей лотерейные билеты, как в магазине перед автоматом, который выплевывает талоны с номером очереди. Из динамиков на потолке звучал шлягер того года. Все было довольно торжественно. Довольно церемонно. Хотя событие было не бог весть какое важное.

Первым выкликнули мое имя. Все глазели на меня, когда я шла через весь зал к лотерейной машине в зашторенной кабинке. Я сунула руку в прорезь. Мне было немного не по себе, но я была готова к тому, что сейчас решится мое будущее. Я зажмурилась и вспомнила, как отец приложил пустую винную бутылку к глазу. Машина бесшумно выкинула мне в ладонь кусок картона. Билет был темно-кобальтового цвета.

— Мои поздравления, — сказал мне похожий на врача мужчина в темном костюме.

За мной к машине подходили другие девочки и получали свои билеты. «Почти все!» — воскликнул мужчина в конце, прочитав выданную машиной распечатку. Мы столпились и сравнили полученные билеты. Все они были синие, за исключением одного — белого. Врач и эмиссар препроводили девочку с белым билетом в отдельную комнату. Мы смотрели, как все трое прошли в темный дверной проем. Врач, вернувшись, дважды хлопнул в ладоши. «Вас пощадили», — заявил он с пугающим благодушием.

Сев за стол, эмиссар записал результаты лотереи, чтобы сообщить семьям, клиникам, важным и далеким инстанциям то, чего нам знать не полагалось. Одну за другой нас вызывали в другую комнату, не в ту, куда пошла девочка с белым билетом. Я легла на покрытую хрустящей бумагой кушетку с приподнятым изголовьем, и женщина-врач в привычном белом халате чуть ли не сочувственно попросила меня согнуть ноги в коленях. Она ввела что-то в меня, и я тотчас ощутила острую, пробежавшую по нижней части тела боль.

— Что это? — спросила я, а она ответила:

— Твой доктор все тебе объяснит, когда ты придешь к месту назначения.

Она сказала «когда», а не «если», и я была ей за это благодарна. Я встала и увидела, что оставила на бумажной простыне кровавую розочку.

Душевая в лотерейном доме купалась в желтом свете, в котором отчетливо виднелись жилки на моей тощей шее. Я была похожа на ошипанного цыпленка с кое-как нанесенными на веки тенями, но теперь мамин медальон висел на мне. Над раковиной висело длинное зеркало, в углу стоял плетеный стул — рядом с двумя выкрашенными в персиковый цвет душевыми кабинками. В зеркале я видела других девчонок у стены. Пальцы ног поджаты. Взгляды уперлись в потолок, потом скакнули к двери, когда в душевую вошла девочка с белым билетом, и снова уперлись в потолок. На краю раковины стоял букет засохших цветов: клочки зеленого оазиса, виднеющегося сквозь розовые гвоздики. В душевой звучала музыка из динамиков, спрятанных то ли в потолке, то ли под раковиной.